

**ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В СИТУАЦИИ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА**
**DOMESTIC HUMANITARIAN EDUCATION IN THE SITUATION
OF SYSTEM CRISIS**

О. А. Коврик

O. A. Kovrik

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

okovrik@list.ru

В статье автор предпринял попытку обозначить круг наиболее важных аспектов и более широких проблем, отражающих ситуацию системного кризиса в современном отечественном высшем гуманитарном образовании

Ключевые слова: гуманитарное образование, этический императив, личностный подход, системный кризис, университет, творческие специальности.

In the article the author made an attempt to determine a circle of the most important aspects and reveal broader problems that reflect the situation of system crisis in modern domestic humanitarian higher education.

Key words: humanitarian education, ethical imperative, personal approach, system crisis, university, creative specialties.

Одной из наиболее важных проблем современного гуманитарного образования в нашей стране является, на наш взгляд, потеря этической составляющей образовательного процесса, утрата основополагающего нравственного императива, суть которого определяется тем, что знание – это благо, призванное служить не только интеллектуальному, но и духовному развитию как отдельного человека, так и всего человечества. На протяжении почти пятисот лет развития европейской истории и культуры постепенно выкристаллизовывались как важные составляющие профессионального образовательного процесса такие показатели как уважение к личности, признание уникальности человеческой индивидуальности, а также почитание жизни перед лицом смерти и признание важности смерти перед лицом жизни. Способность к глубокому и всестороннему интеллектуальному анализу, наличие нравственного идеала и собственной точки зрения на то или иное событие, наличие ответственной жизненной позиции, которую отстаивают не только в диспутах, но и на уровне практики ежедневной жизни, поступка – вот те качества, которые навсегда исчезли из нашей жизни вместе с поколениями «унесенных ветром» представителей старой доиндустриальной цивилизации. Взаимосвязь интеллектуального и нравственно-этического начал обеспечивала и определяла гармоничное развитие общества до определенного момента, когда с распадом этого единства, обусловленного отказом от нравственных ориентиров и утратой религиозного чувства, этот баланс разрушился.

Бездумная погоня за прогрессом, конкурентная гонка за успехом (вспомним знаменитое цветаевское: «успех – это успеть»), конкурентная борьба за количество приобретаемых материальных благ, высокий уровень социальных привилегий, а значит и запросов, также как и популистский лозунг о том, что гарантированное равенство политических прав автоматически предоставляет равенство стартовых возможностей для всех, стерли этические ориентиры и сформировали новое, персонально обезличивающее и унифицирующее личностные особенности отношение к человеку. Господство тоталитарных режимов,

изобретение оружия массового поражения, многомиллионные жертвы двух мировых боен, привычно называемых войнами, фактически стали следствием этого начавшегося глобального процесса ликвидации разумной жизни на земле. В эпицентре этого процесса оказалась тысячелетняя культура человечества как воплощение созидательного духа человека, воплощенного в нем разумного начала, одухотворяющей косную материю преобразующей действительность божественной энергии, божественного энтузиазма.

Сегодня высшее профессиональное и прежде всего именно гуманитарное образование в нашей стране (возможно, в силу прочно затесавшейся во многих головах иллюзии его легкой доступности по сравнению с образованием техническим или естественнонаучным) имеет тенденцию стать всеобщим, массово доступным товаром на массовом рынке самых разнообразных коммерческих предложений. Оно больше не рассматривается как системное преобразующее усилие, как фундаментальное вложение и необходимое условие для структурирования самой личности взрослого человека. Сегодня оно превращено в оплачиваемую услугу, предлагаемую без какого-либо отбора с точки зрения профессиональной пригодности, без наличия необходимой начальной подготовки или хотя бы некоторых предварительно обозначенных способностей. Предложение опережает спрос, и потому предлагаемое условному «пользователю» как потребительская услуга высшее (профессиональное) образование приобретает оперативный прикладной и сравнительно легко модифицируемый, в определенном смысле «одноразовый» характер. Получение высшего профессионального образования сегодня не социальная привилегия, а практически всеобщая норма. Наличие диплома о высшем образовании независимо от степени пригодности и востребованности молодого специалиста на рынке труда приравнено к наличию аттестата о среднем образовании. Эта ситуация скорее напоминает попытку легально снизить (или скрыть?) реальный уровень безработицы среди молодежи в нашей стране посредством увеличения количества студенческой аудитории, чем поспособствовать обеспечению страны высококвалифицированными специалистами. При этом речь не идет о каком-либо конкурентном отборе лучших и наиболее сильных кандидатов.

Высшее образование сегодня, позаимствовав нежизнеспособные, утопичные и вполне инфантильные модели успеха измира шоу-бизнеса, ориентирует современных молодых людей на немедленный и оглушительный социальный успех в профессиональной сфере как на главную цель карьеры, достижимую немедленно и без всяких

усилий. Удовольствие от процесса занятия любимым делом, интерес к избранной сфере деятельности (а это главное условие реализации образовательного процесса и успешной профессиональной жизни индивидуума), регулярные целенаправленные усилия на практическое освоение профессии – все это оказалось забытым как нечто бессмысленно-архаическое. А такое понятие как беззаветное служение выбранному делу вообще исчезло из лексикона современных молодых специалистов-гуманитариев.

Лишенное фундаментальной основы в качестве способа построения (или взращивания) личности взрослого молодого человека высшее образование сегодня превращается в некую упрощенную формализованную технологию, усвоенную прагматически-безлично и исключительно из необходимости поисков успеха на глобализованном потребительском рынке профессиональных услуг. Этот рынок довольно привередлив, и гуманитарное образование сегодня на нем котируется довольно низко из-за невысокого индекса своей потребительской «полезности». В сравнении с программистами и финансистами философы, литераторы и литературоведы, лингвисты, искусствоведы разных сфер творчества (музыка, театр, кино, пластические искусства) и представители классических творческих профессий (живописцы, графики, скульпторы) сегодня в нашей стране и в данном контексте – самые бесполезные и потому невостребованные люди, обреченные на переучивание и приобретение так называемого «второго и даже третьего высшего».

Профессию сегодня принято менять как наряд в зависимости от актуальной ситуации и степени гарантируемого ею финансового комфорта. А находиться в профессии означает сегодня также отказаться от какой бы то ни было степени ответственности за ее реализацию в социальном поле и от какой-либо иной инициативы, кроме как исполнение воли вышестоящих руководителей. А это ведь не что иное как тоталитарное сознание в действии. Парадоксальным образом тотальный контроль, обезличивание и потеря индивидуальности, механически управляемый мир людей-биороботов, т. е. все то, что в классическом романе-антиутопии Дж. Оруэлла возникло в качестве страшной фантазии, в современном обществе стало реальностью [3].

Человек сегодня более чем когда-либо ранее формируется как безличный винтик и колесико в огромной государственной машине, действующей как система коллективного принуждения, стирающая человеческую индивидуальность. Трудности системы высшего (и конкретно гуманитарного) образования сегодня в первую очередь обусловлены теми кризисными дестабилизирующими процессами,

которые царят в современном мире и имеют тенденцию превращаться в глобальные.

У современного молодого человека: абитуриента, студента и даже молодого специалиста, сегодня в избыточном наличии следует признать дефицит осмысления информации, и это в ситуации существования огромного информационного потока и, прежде всего, массмедиапродукции. Превалируют ориентация на бездумное некритичное потребление и, в целом, отказ от ответственности за собственную жизнь и личный выбор. Проблема выбора, одна из экзистенциальных проблем человеческой жизни, игнорируется.

Современный молодой человек изо всех сил пытается усидеть даже не на двух сразу, а на целом десятке стульев одновременно. Он ничего не выбирает (как известно, ситуация выбора в норме предполагает не только принятие желаемого, но и отказ от неприятного) и никак конкретно не отвечает за свой выбор, никак не отстаивает его, он легко отказывается от всего сулящего хоть малейшие трудности. Он в лучшем случае просто перескакивает с одного стула на другой. И это несмотря на то, что непреложным условием любого выбора является самоограничение и отказ от чего-то лишнего. Нет, он не желает ни от чего отказываться, он стремится поглотить все, точнее все, легко достижимое, лежащее на поверхности или быстроусвояемое как, например, растворимую или кем-то до него уже перетертую в шпоре пищу, как уже специально обработанную информацию. Он не желает жевать, прилагать усилия по ее дроблению и размельчению, отказывается тяжело работать челюстями, т. е. не желает думать. Он – носитель лабильного, т. е. очень конформного, мягкого, податливо-пассивного, некритично потребляющего жизнь мировоззрения, сформированного в основном беспрестанным и отупляющим потоком продукции средств массовой информации, и прежде всего, телевидением.

Поскольку согласно сложившемуся положению дел в нашей стране гуманитарные науки традиционно входят в идеологический сектор, а потому жестко цензурируются и контролируются властными структурами, их свободное развитие чрезвычайно затруднено. А потому говорить о высоком уровне развития гуманитарных наук в нашей стране, к сожалению, просто не приходится. Гуманитарное знание – самое пострадавшее от тоталитарного произвола, и, к сожалению, разрыв между уровнями мирового и отечественного развития в гуманитарной сфере даже по сравнению с соседней Россией в нашей стране до сих пор не преодолен. Несмотря на все усилия пропагандистов доказать обратное, это не более, чем иллюзия.

Мы не можем назвать ни одного отечественного специалиста-гуманитария, внесшего серьезный вклад в развитие мирового гуманитарного знания. Он почти что невозможен в нашей стране, его существование вызывает тревогу и подозрения. Это лишь подтверждает и прекрасно иллюстрирует ситуация с единственным в истории нашей страны нобелевским лауреатом С. Алексиевич. Вместо гордости и уважения за этот успех мы наблюдаем, как общественное сознание разделилось, и тенденция к замалчиванию и некоему обесцениванию вклада выдающегося писателя и общественного деятеля имеет место. Получается, что в нашей стране не признают и не ценят своих выдающихся современников независимо от их общественно-политической позиции. Это важнейший показательный фактор, отражающий также и общую ситуацию в сфере гуманитарной университетской подготовки. Кроме того, многовековые европейские традиции западных университетов с их автономией, системой самоуправления, наличием целого ряда социальных привилегий и «свобод», в том числе и прежде всего студентских («оплаченных» кровью на парижских баррикадах 1968 года), а вместе с тем реально высокий и общепризнанный социальный статус специалиста с высшим гуманитарным образованием – все эти условия, необходимые для формирования полноценного, ответственного и компетентного, устремленного в будущее молодого специалиста из свободного духом человека, на нашей почве пока что не прижились.

Следует отметить и еще один значимый момент: особо важную роль преподавателя в сфере гуманитарного образования, а также обратить внимание на ее стремительное обесценивание и низведение до уровня обслуживающего персонала. Гуманитарное знание строится вокруг и около человека, оно формируется как внутренний стержень личности с учетом складывавшейся веками благодаря многим поколениям специалистов и активно действующей системы определенных нравственных, этических, эстетических ценностей и ориентиров. В этом плане преподаватель-гуманитарий выступает примером и образцом реализации этого очень часто невербально выраженного знания, которое передается ученикам не только «из рук в руки», но и буквально «из сердца в сердце», благодаря и посредством регулярного, долговременного и плодотворного личного контакта [5].

Гуманитарий формируется двояким образом: как бы одновременно изнутри и снаружи, через собственное созидательное усилие (эмоциональное, интеллектуальное, духовное) и в то же время посредством одухотворяющего взаимодействия с личностью Учителя, своеобразной профессиональной шлифовки. Любой хороший

преподаватель, не только гуманитарий, является той референтной фигурой, чем-то вроде «достаточно хорошей матери» по Д. Винникотту [1], опираясь на которую и отталкиваясь от которой молодой человек выстраивает свою профессиональную, а если повезет, то во многом и личностную идентификацию.

Тенденция к сокращению, точнее, к предельной минимизации отпущенного на общение преподавателя и студентов количества аудиторного времени, а также личная убежденность чиновников от образования (к сожалению, в нашей стране это зачастую не слишком хорошо образованные люди) в том, что глобальная сеть призвана полностью заменить живого человека и окончательно вывести «человеческий фактор» за рамки образовательного процесса, наносят невосполнимый урон качеству этого самого процесса. Ведь если довести до логического конца систему подобных рассуждений, получится, что преподаватель в вузе не слишком-то и нужен. К сожалению, наши вузы переполнены преподавателями, которые следуют тому же пагубному принципу. Это те люди, которые попали в вуз случайно, как правило, благодаря определенным «покровителям», своим родственным или иным связям, а отнюдь не собственным профессиональным достижениям. Многие из них – люди, откровенно некомпетентные, чуждые преподавательской работе, иногда не имеющие даже профильного образования. Тем не менее, несмотря ни на что формально на протяжении долгих лет выполняющие свои профессиональные обязанности.

Таким горе-педагогам подлинный контакт со студентами просто ни к чему, более того, они всячески избегают его, поскольку он несет прямое публичное разоблачение. Профессорская кафедра в этом отношении сродни с театральной сценой, она не выносит фальши и некомпетентности. Однако именно их откровенно вредоносная, разрушительная для нашего образования позиция «лоббируется» весьма успешно в управленческих кругах. Так что искомый личный плодотворный творческий контакт преподавателя со студентом, который и является не только основой гуманитарной культуры, но и основным принципом гармоничного сосуществования людей в обществе, а значит и устойчивого развития всего общества, тот ключевой фактор образовательного процесса не только в сфере гуманитарного знания, но и в университетской среде в целом, имеет все шансы и отчетливо выраженную тенденцию либо превратиться в бессмысленную и обезличенную профанацию, либо сойти на нет, и тем самым разрушить саму основу общества.

Что касается трудностей самого процесса обучения современных студентов-гуманитариев, то в результате многолетних наблюдений и сравнительных сопоставлений ситуация для нас обозначилась следующим образом. У студентов не только первых, но зачастую и старших курсов эти трудности довольно близки, что уже само по себе является поводом для беспокойства, поскольку свидетельствует не столько о «низком» образовательном старте, сколько о некачественном прохождении в вузе пятилетнего цикла образовательного процесса. Обращают на себя внимание низкая общефизическая, эмоциональная и интеллектуальная выносливость студентов, опять же как младших, так и старших курсов. В частности, есть претензии к их способности удерживать внимание и переносить довольно высокий уровень напряжения в течение академической лекции (2 а.ч.), переносить вызванный усталостью дискомфорт, который во многом усиливается еще и тем, что их восприятие чрезвычайно пассивно. Иными словами, студенты во время академического процесса устают от безделья, поскольку почти не ведут никаких записей, не включаются или с трудом включаются в рабочий процесс, редко готовы ответить на вопросы преподавателя, избегают дискуссий. Они «сливают» рабочее напряжение либо в постороннюю деятельность (выполнение во время лекции других заданий), либо в развлечение с помощью гаджетов или разговоров друг с другом.

На устных промежуточных и даже итоговых квалификационных экзаменах у студентов-гуманитариев проявляются трудности, связанные со слабыми навыками самостоятельной интеллектуальной работы, как то обработки и усвоения учебного материала, особенно запоминания точной информации (даты, имена, названия произведений, событий, местностей и т.д.), а также трудности, связанные с воспроизведением усвоенной информации в виде связного, логически последовательного текста. Ресурсы памяти, одного из основных профессиональных инструментов гуманитария, у современных студентов весьма скудны, а работать над их развитием они отнюдь не стремятся. Многие из них испытывают трудности с использованием законченных форм устного высказывания, даже простых предложений. Изложение материала своими словами или пересказ также затруднены, студенты-гуманитарии не способны с первого раза закончить простое односложное предложение, выговорить фразу до конца, не говоря уже о таких сложных формах интеллектуальной работы, как систематизация материала, тематический отбор (последний осуществляется в основном механистически благодаря всем известным сетевым источникам

информации), а также осмысление материала, проведение параллелей, сравнений, сопоставлений данных.

Что же касается таких важных и сложных составляющих профессиональной деятельности специалиста-гуманитария, как постановка отдельных проблем, выстраивание логически последовательных конструкций, обоснование собственной позиции, аргументированное изложение собственной точки зрения, и уж тем более представление итоговых выводов, то следует признать, что все это становится совершенно невозможным делом в силу банальной неосвоенности студентами-гуманитариями более простых форм интеллектуальной работы, которые должны были быть освоены ими еще в начальной и средней школе.

К сожалению, следует также признать, что сегодняшние абитуриенты в основной своей массе не готовы к полноценному обучению в системе университетской подготовки, которая требует самостоятельности, четкой постановки своих целей, а также ответственности и осознанного усилия в стремлении к их достижению. Широко употребляемый ныне термин «получение высшего образования» весьма точно характеризует тот алгоритм пассивного «поглощения» кем-то уже предложенных им или заранее заготовленных и предоставляемых знаний, то интеллектуальное потребительство, которое не только повсеместно цветет пышным цветом, но и активно насажается в наших высших учебных заведениях [6].

С чьей-то легкой руки стало принято считать, что обучение в вузе, т.е. приобретение профессиональной подготовки, которой в норме надлежит определить дальнейший жизненный путь выпускника, должно быть легким, не слишком обременительным и не слишком лично затратным для студента делом. Требуемые интеллектуальные, эмоциональные, духовные затраты якобы с лихвой погашаются высокой коммерческой стоимостью образования. Тот факт, что в большинстве стран мира высшее образование – платное, и это норма, плохо прививается в сознании большинства наших сограждан, до сих пор упрямо ностальгирующих по бесплатному высшему в СССР. Действует, видимо, и расхожее представление о том, что все нематериальные трудности образовательного процесса обеспечиваются финансами, так что интеллектуальное усилие бессмысленно, поскольку диплом (основная цель) оплачен, и студенту остается лишь стабильно и не слишком напрягаясь, отсидеть несколько лет на университетской скамье, перебираясь с курса на курс.

Представление о том, что высшая ступень образования, профессиональная подготовка предполагает наличие активной позиции

студента, в идеале устремленного к тому, чтобы самостоятельно и настойчиво брать (добывать, изыскивать, перерабатывать, усваивать) информацию и «питаться» ею в соответствии со своими личностными (персональными) интенциями, намерениями и интересами, слабо актуализировано в сознании обучающихся. Готовность вкладывать в обучение финансовые средства и деньги отнюдь не предполагает у большинства из них стремления к вложению личностных ресурсов. Образовательный процесс в целом как бы усреднен и ограничен, личность обучающегося во многом отчуждена от него. Кроме того, сегодня очень часто, к сожалению, выбор специальности обусловлен стремлением абитуриентов и студентов в первую очередь угодить родителям, которые и приводят их в вуз. Он не так уж часто бывает результатом их собственных исканий. Поэтому такой студент, вынужденно принявший и осуществляющий чужую волю, на самом деле учится не для себя, а как бы «вместо родителя», настоявшего на выборе данной специальности. Увлеченности учебным процессом это обстоятельство студенту, естественно, не прибавляет.

Подобная пассивность молодых людей в выборе профессионального, а, значит, во многом и жизненного пути свидетельствует не только об их неготовности к ответственности и выборам взрослой жизни, но также и о некотором страхе перед ней, от которого они по-детски пытаются укрыться за плечами родителей. С другой стороны, это говорит и о неготовности большинства родителей отпустить своих детей в «свободное плавание», довериться их собственному выбору, поверить в своего ребенка и предоставить ему возможность самому нести за него ответственность. Так в норме учатся ответственности. Однако сегодня родительская гиперопека приобретает порой довольно курьезные формы в виде попыток прямого вмешательства в учебный процесс и контроля не только своего чада, но и преподавателей, которым, например, даются (иногда весьма настойчиво) определенные рекомендации об оценках, которые следует выставлять их ребенку.

Мы знаем о широком бытовании таких «привычек» в начальной и средней школе, но они уже достаточно давно и активно вторгаются в практику вузовской жизни. Бытование этого явления, которое довольно сложно представить в бывшей советской или современной зарубежной вузовской жизни, отражает высокую степень искусственной и при этом активно насаждаемой *инфантилизации* молодого поколения вузовцев в нашей стране. К сожалению, ничего иного, кроме стремления к полному и всестороннему контролю за жизнью молодого человека, эту пагубная практика не несет. Ее потенциальное

поддержание и поощрение на уровне социальных (государственных) институтов способно весьма пагубно отразиться на качестве профессиональной подготовки молодых специалистов и на их личностном развитии, которое навсегда будет остановлено. Оно поспособствует искусственному поддержанию традиций и норм тоталитарного мышления и соответствующих (репрессивных) форм государственного управления, которые весьма пагубно скажутся и уже, к сожалению, проявляются в жизни нашего общества, например, в его стремительной поляризации, в нарастающем противостоянии взрослой и молодой части наших сограждан, которым все труднее и труднее становится понимать друг друга и взаимодействовать, причем как в социальном, так и в личном плане. Кризис социальный сегодня проходит через семьи и через души наших сограждан.

Массовые стереотипы сознания наших соотечественников, потребителей «образовательных услуг», не предполагающие всестороннего личностного вложения в образование, проявляются еще и потому, что для многих семей, происходящих из крестьянского и пролетарского слоев, понятия об интеллектуальном труде как таковом не существует. Для многих поколений их предков он ассоциировался с городской жизнью и если не с физическим бездельем, то по крайней мере с легкостью и необременительным заработком. Поэтому своим детям такой участи желали и желают в качестве избавления от собственной тяжелой ноши. Однако высшее образование – это не общепринятая норма, как кому-то хотелось бы думать, а по-прежнему привилегия для наиболее одаренных и подготовленных людей, которые на самом деле и составляют костяк национальной элиты.

Тем не менее, сегодняшние абитуриенты и их родители часто даже не подозревают о том, что собой представляет систематический интеллектуальный труд, к примеру, по качеству затрачиваемой энергии и по интенсивности личностных энергозатрат. Люди, не понимающие сути интеллектуального труда, считают его обузой, не признают его ценным и равным труду физическому. Они не ощущают этого в принципе, поскольку он им незнаком или даже совершенно чужд. Поэтому в наших гуманитарных и творческих вузах зачастую можно встретить студентов, прекрасно работающих руками, но при этом испытывающих значительные трудности в интеллектуальной сфере, весьма фрагментарно и поверхностно осваивающих основную программу и отчаянно сопротивляющихся учебному процессу. Налицо очевидные ошибки профориентации. В то же время для такой страны, как наша, с драматической судьбой, с крепкими патриархальными

устоями и тысячелетними аграрными традициями, пережившей в XX в. подлинный геноцид по итогу потерь в двух мировых войнах, а также истребление основной части национальной интеллектуальной и духовной элиты, подобный контингент абитуриентов, с одной стороны, вполне естественное явление². К сожалению, в нашей стране и по сей день нет интеллектуальной гуманитарной элиты как социальной прослойки, способной влиять на судьбы нации; она, возможно, лишь начинает формироваться.

Совершенно очевидно, что сегодня учиться в университет в массовом количестве приходят люди, весьма далекие от интеллектуальной деятельности и к тому же не имеющие опыта или семейной традиции университетского образования. В то же время это люди, активно стремящиеся к социальному росту и успеху. Казалось бы, это замечательно, поскольку свидетельствует о широкой тяге к образованию в национальном масштабе. Но нет, мы настаиваем на чисто формально понятом высшем образовании у большинства из таких абитуриентов, поскольку для них, к сожалению, речь идет не о том, чтобы «быть», а о том, чтобы «иметь» [6], не о профессиональном структурировании личности молодого человека, а всего лишь о приобретении диплома, который, скорее всего даже не будет использован по назначению. Речь идет о стремлении исключительно к формальному приобщению к профессиональной элите. Иметь высшее образование сегодня в нашей стране модно и престижно, но это в первую очередь – способ показать себя в конкурентном преимуществе на фоне других якобы менее удачливых членов социума. Диплом о высшем образовании сегодня – это некий социальный эрзац, симулякр, который создает лишь видимость (иллюзию) того, кем хочется быть и чем обладать.

Налицо откровенная подмена понятий и обесценивание высшего образования как фундаментальной структурообразующей составляющей личности. В то же время этот процесс отражает некое расщепление в сознании людей, которые как будто бы «зависли» и

² Мы отнюдь не стремимся к тотальным обобщениям и учитываем наличие замечательно одаренных и успешно штурмующих бастионы знаний студентов, выходцев из небольших городов и сел. Мы скорее настаиваем во избежание напрасной траты времени, денег и сил на необходимости предварительно проведенной грамотной персонально ориентированной профориентационной работы, которая не должна исчерпываться единственным отчетным мероприятием в выпускном учебном году.

существуют между двумя ценностными ориентирами, одновременно в двух разных системах координат, при этом не принадлежа целиком ни к одной из них. Это, с одной стороны, глубоко традиционные, архаические по сути, ценности крестьянского сословия, базирующиеся на физическом контакте с природой, с землей. Они очень крепкие, поскольку образуют фундамент нашего общества. А с другой стороны, ориентиром служат некие мифические принципы жизни образованной части общества, аристократии и интеллигенции, которой как бы и вовсе нет, поскольку она, как известно, сильно пострадала в нашей стране в годы репрессий, оказавшись почти что начисто «смытой» либо рассеялась между Петербургом, Варшавой, а затем и Москвой. Реально же существующая интеллигенция в массовом сознании не учитывается как ценность и потому не является образцом для подражания.

Думается также, что в такой двойственной, компромиссной, парадоксальной форме и в соответствующей системе представлений отразились очень интенсивно происходящие в нашем современном обществе трансформационные процессы, связанные с интенсивной урбанизацией и индустриализацией. Они начались, как известно, еще во второй половине XIX в. после отмены крепостного права, затем продолжились в начале XX в., были вынужденно приостановлены двумя мировыми войнами, голодом и разрухой, стабилизировались на достаточно высоком уровне в советское время, а затем вновь активно проявили себя в практике жизни постсоветской Беларуси, с началом нового века и особенно в последнее десятилетие.

В отношении практики вузовского обучения студентов художественных (творческих) специальностей, связанных с системой пластических искусств и дизайна, следует признать, что общие кризисные социальные процессы отражаются в ней точно также как и в практике общеуниверситетской жизни. И те вышеизложенные трудности, которые характеризуют путь студента-гуманитария, свойственны и современному белорусскому студенту, представителю творческих специальностей. Кроме того имеет значение и то специфическое отношение к искусству и ко всему художественному, а также сложившаяся практика художественной жизни с ее традициями и локальными особенностями, которые оказывают влияние и на формирование молодых профессиональных творческих кадров.

Доминирование академической системы художественного образования в нашей стране, отсутствие какой-либо реальной творческой альтернативы предполагает, что студенты творческих вузов неустанно заняты рукоделом, постижением профессиональной основы

ручного творчества, исключительно оттачиванием мастерства зачастую в ущерб концептуальной составляющей своих проектов. При этом они, как правило, не имеют широкого профессионального кругозора, не владеют словом, не развиты аналитически, довольно редко способны сформулировать, связно изложить собственные творческие идеи или развить их как в индивидуальном, так и в коллективном многоступенчатом проекте. Но в современном художественном мире «молчаливое» творчество невозможно, как и исключительная инвентивность, уникальное авторство работ. Современный художник более, чем когда либо должен уметь представить свои работы словом. Отсутствие широкой образованности и гуманитарной культуры, в целом, к сожалению, значительно снижает конкурентоспособность молодых белорусских творцов не только на отечественном, но и на широком интернациональном арт-рынке³.

В то же время в массовом сознании наших сограждан уже сложилось представление о том, что искусство, красота – это один из важнейших критериев респектабельности, а не только доступное развлечение, приятный необременительный досуг и «отдых от усталости жизни» [5]. То, что они, призванные одухотворять, являются неотъемлемой частью человеческой жизни, требуют определенных усилий восприятия, тренировки вкуса, серьезной духовной работы, эмоционального напряжения, что в современном мире именно они предоставляют возможность персонального роста и развития, не воспринимается всерьез и не востребовано в должной мере. Эстетический фактор в нашей стране, возможно в силу специфики климатических особенностей, пока что не стал преобразующей составляющей коллективного жизненного процесса, но продолжает играть роль необременительной социальной «надстройки», как правило, ограничиваясь разовыми показательными мероприятиями и выходами «в свет». Ходить на выставки, в театр, показывать собственные арт-приобретения в нашей стране сегодня и модно, и престижно, но для большинства людей это в первую очередь – все тот же способ показать себя с точки зрения конкурентных социальных преимуществ и лишний повод для самолюбования, а вовсе не стремление к развитию. Впрочем, это тема слишком обширна и многоаспектна, а потому требует отдельной публикации.

³ Наглядным примером чего является широкая панорама творческих проектов молодых белорусских художников, уже дважды демонстрировавшаяся в Минске на двух «Осенних салонах», организованных Белгазпромбанком.

Системный кризис отличается, как известно, не только нарушениями в функционировании, протекании процессов, но и деформацией самой структуры объекта или его конструкции. Что и представляет очевидную и неизбежную опасность его разрушения. Естественно, что пути выхода и преодоления такого кризиса должны затрагивать непосредственно саму эту структуру. Для такой грандиозной социальной конструкции как отечественное образование, ежегодно вовлекающее в себя миллионы людей, и работающих в ней специалистов, и «соискателей» ее щедрых плодов, жизненно необходим выход или система решений, которые должны иметь такой же системный, структурообразующий и долгосрочно перспективный характер. Разработка конкретных практических путей выхода из такого системного кризиса: не только социально-экономического, но и мировоззренческого, и профессионального, который мы лишь попытались обозначить выше в его наиболее броских и выразительных чертах, требует государственного подхода: четкого плана, коллективного усилия, ресурса времени и привлечения специалистов из различных сфер, не одного лишь образования. Но прежде всего осознанности социальных приоритетов, ясности перспектив, четкого понимания ситуации в целом и в деталях, а также выработки новых долгосрочных целей.

На самом деле, нам неизвестно, возможен ли такой подход в принципе сегодня, на каком социальном уровне и какой ценой. Однако совершенно очевидно, что независимо от того, будет ли это происходить вынужденно и фрагментарно либо целенаправленно и последовательно, он непременно будет реализован, поскольку востребован самим временем и ситуацией нашей сегодняшней жизни, когда возврата к прошлому быть не может. Мы предполагаем также, что на самом деле он уже происходит, осуществляется исподволь незаметно, как ежедневный выбор: день за днем, усилие за усилием. Он осуществляется на самом глубоком уровне, в сознании живущих сегодня людей, а потому имеет глобальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш, Е. Дани больше нет / Е. Барабаш. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.rfi.fr/kultura/20170510-dani-bolshe-net>. – Дата доступа 13.05.2017.
2. Винникотт, Д. Маленькие дети и их матери / Д. Винникотт. – М.: Независимая фирма «Класс», 2011. – 80 с.
3. Оруэлл, Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. – М.: Прогресс, 1989. – 320 с.
4. Сапрыкин, Ю. «Культура – сфера номер двадцать семь, где люди отдыхают от жизни»: Даниил Дондурей о функциях и значении постсоветской культуры /

Ю. Сапрыкин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.colta.ru/articles/specials/14748#disqus_thread. – Дата доступа: 13.05.2017.

5. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

6. Фромм, Э. Иметь или быть. / Э. Фромм – М.: АСТ, 2015. – 320 с.